

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ
УМАНСКОГО-ЧЕРНЫШЕВА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ**
(интервью А.С. Чернышева в связи с его 80-летием и 45-летием кафедры
психологии Курского государственного университета)

***THEORETICAL AND PRACTICE EXPERIENCE OF THE «UMANSKY-
CHERNYSHEV» SCIENCE SCHOOL: BACKGROUND AND FUTURE***
(*the interview with A.S. Chernyshev in regard of his 80-th anniversary and the 45-
th anniversary of the Psychological chair of the Kursk State University*)

Интервью с одним из основателей научной школы «Уманского - Чернышева», профессором, заслуженным работником науки РФ, доктором психологических наук, долгие годы возглавлявшим кафедру психологии Курского государственного педагогического университета, а затем и Курского государственного университета, Алексеем Сергеевичем Чернышевым, открывает серию публикаций в жанре научного интервью, которая, надеемся, будет представлена на страницах журнала «Социальная и экономическая психология». Данное интервью приурочено к 45-летнему юбилею кафедры психологии КГУ и 80-летию А.С. Чернышева, с которым его поздравляет весь коллектив лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, а также члены редакционной коллегии научного журнала «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология».

Вопросы Алексею Сергеевичу задавала старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН Татьяна

Валерьевна Дробышева.¹⁹ Ниже публикуются вопросы Т.В. Дробышевой и ответы на них А.С. Чернышева.

1. Алексей Сергеевич, не могли бы Вы кратко ответить на вопросы, связанные с историей кафедры психологии, которую Вы возглавляете уже много лет. наших читателей интересует дата открытия кафедры психологии в рамках Курского государственного педагогического института. Кто был инициатором этого события? Как можно сейчас охарактеризовать, в чем заключался вклад организаторов?

Открытие в 1971 году кафедры психологии в педагогическом институте было знаменательным событием, т.к. в то время в массовых образовательных учреждениях – педагогических институтах Советского Союза организовывались *объединенные кафедры педагогики и психологии*, кафедры психологии существовали только в классических университетах. Для открытия кафедры психологии в рядовом педагогическом институте требовались веские основания. Одной из причин организации кафедры послужило то, что в это время на кафедре работал известный ученый, профессор Ш.А. Френкель – ученик С.Л. Рубинштейна. Вместе с ним на кафедре работал другой перспективный ученый, доктор наук, ученик Б.М. Теплова – Л.И. Уманский, который привнес много новых идей, амбиционные цели и задачи в работу психологов. Я был первым аспирантом Л.И. Уманского и, соответственно,

---

¹⁹ Интервью и научно-литературная обработка ответов ученого реализованы Дробышевой Татьяной Валерьевной, кандидатом психологических наук, старшим научным сотрудником лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН Института психологии РАН, tdrobysheva@mail.ru. Интервью в видео формате представлено в сети Интернет по адресу: <https://www.youtube.com/watch?v=VYn2izUf2so>. Техническое исполнение реализовано Тихомировой Светланой Витальевной, кандидатом психологических наук, научным сотрудником лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН Института психологии РАН, sti@belty.ru.

разделял его научные взгляды. Таким образом, на кафедре педагогики и психологии КГПИ образовалась группа единомышленников – ученых, обеспечивающая преемственность и развитие научных взглядов С.Л. Рубинштейна и Б.М. Теплова. Это были – Ш.А. Френкель, Л.И. Уманский и А.С. Чернышев. Данное обстоятельство послужило веским основанием для открытия в феврале 1971 года кафедры психологии в педагогическом вузе. Конечно, в то время такое событие стало исключением из правил. Однако те научные проблемы, которые разрабатывались Френкелем, Уманским и их аспирантами были чрезвычайно востребованы в отечественной психологии. Речь идет об организаторских способностях, проблемах малой группы, применении эксперимента в психологических исследованиях и т.п. Все это послужило основанием для открытия кафедры психологии.

2. То есть, можно ли говорить о научных, исторических, социальных предпосылках организации кафедры? О том, что возникли какие-то обстоятельства, непосредственно повлиявшие на тот факт, что кафедра психологии была открыта именно в Курском государственном педагогическом институте?

Конечно, становление научной школы, открытие кафедры всегда связано с какими-то событиями, явлениями, которые могут быть рассмотрены как социальные факторы. В нашем случае в качестве социальной причины можно рассматривать подъем в 1960-70-е годы общественного интереса к проблемам социальной психологии, формирование социального заказа к психологам в целом и, особенно, – к социальным психологам. К примеру, в этот период заказ на разработку психологической готовности космических и летных экипажей выполняла группа психологов, возглавляемая Ф.Д. Горбовым; в промышленности успешно работали такие социальные психологи как Е.С. Кузьмин, А.А. Русалинова, В.Е. Семенов, А.Л. Журавлев и другие. Для выполнения социального заказа в области воспитания, работы с молодежью в Курском педагогическом институте сложилась рабочая группа, в которую

вошли Л.И. Уманский, А.Н. Лутошкин, А.С. Чернышев, их ученики и коллеги. Перед ними встал ряд научных задач, первая из которых была связана с определением и изучением психологии организаторской деятельности. Ее успешное теоретическое решение послужило основанием для подготовки и защиты Л.И. Уманским докторской диссертации.

Поскольку объектом организаторской деятельности является группа, то второй задачей стала разработка концепции малой группы. В профессиональном сообществе, в частности в Психологическом институте (ныне – ПИ РАО – *Т.Д.*), в лаборатории Л.И. Божович, развернулась дискуссия относительно эмпирического подтверждения положений концепции. Считалось, что организаторские способности не укладываются в общую концепцию способностей (математических, музыкальных и т.п.), ставился под сомнение вопрос о возможности их формирования. На экспериментальном подтверждении того факта, что организационные способности являются не просто фактором обучения, а особым видом способностей, особенно настаивал В.А. Крутецкий. Решение этой задачи требовало от коллектива кафедры экспериментального изучения организаторских способностей, выделение направлений их исследования, путей формирования. Все это послужило основанием для постановки третьей научной задачи, связанной с организацией крупномасштабного исследования организаторских способностей, построенного в виде естественного формирующего эксперимента.

Безусловно, все эти задачи потребовали от сотрудников кафедры глубокого и всестороннего освоения проблематики, связанной с феноменами «организаторская деятельность», «организаторские способности», «малая группа»; их операционализации; разработки новых процедур, техник, методик организации и проведения естественного формирующего эксперимента, включение в него аппаратных методов сбора данных; организации контактов с другими научными центрами и организациями; напряженной, творческой работы.

3. Алексей Сергеевич, коллектив кафедры психологии КГУ мы можем рассматривать в качестве коллективного субъекта, становление и развитие которого соответствовало определенным закономерностям. Можно ли выделить основные этапы (вехи, периоды) в развитии научно-исследовательской и научно-практической деятельности кафедры и их критерии?

В работе любого научного коллектива можно выделить периоды обращения к новым научным проблемам и решению новых социально значимых задач. Важно, чтобы коллектив был готов откликаться на социальные вызовы. В нашем случае это стало возможным благодаря научному и практическому потенциалу сотрудников кафедры.

На первом этапе решалась задача подготовки способных молодежных организаторов. Была разработана теория организаторской деятельности, организаторских способностей и создана первая в стране школа молодежных лидеров, которой сегодня исполняется 45 лет.

Второй этап развития деятельности кафедры психологии был связан с таким событием, как Чернобыльская катастрофа. В рамках правительственных программ «Дети Чернобыля» и «Помощь» сотрудники кафедры совместно с коллегами из Института медико-биологических проблем АН СССР и Института психологии АН СССР проводили мониторинг последствий радиационного заражения и защитных мер на зараженных территориях. В программах использовались теоретические идеи и методики, ранее разработанные на кафедре. Также появились новые проблемы, в частности, связанные с проявлением активности личности в экстремальной ситуации, с постановкой проблем индивидуального и группового субъекта. Встал вопрос об изучении социальной среды. Так, было обнаружено, что психологические последствия Чернобыльской аварии не менее серьезные, чем собственно экологические. Население зараженных территорий и ликвидаторы аварии переживали страхи, тревожные и депрессивные состояния, повышенное эмоциональное

напряжение. Выявили сужение и размывание границ образа будущего в сознании этих людей. В связи с этим возникла потребность в организации службы, предоставляющей юридическую, социальную и психологическую помощь населению и ликвидаторам. На данном этапе мы и подошли к идее теоретического обоснования «социальной развивающей среды» и ее практического воплощения в системе психологической поддержки и сопровождения населения.

Начало третьего этапа в развитии научной и практической деятельности кафедры приходится на конец 80-х – начало 90-х гг. прошлого века. Широко известны особенности этого периода в истории нашей страны, состояние общества. В этот период особенно остро встала задача создания *Психологической службы*, оказывающей помощь разным слоям населения. Стала очевидной ее востребованность в системе образования. Коллективом кафедры была разработана программа работы *Психологической службы* в системе образования, подготовлена и опубликована соответствующего содержания книга. К институциональным факторам становления *Психологической службы системы образования* можно отнести и доклад, с которым я выступил на Коллегии Министерства образования России. Результатом данного этапа стала организация в нашем регионе *Психологической службы системы образования* и нескольких Центров, которые вот уже 26 лет успешно функционируют. Структура данной службы включает два уровня. Первичное звено Службы ориентировано на работу со школами и другими образовательными учреждениями. Вторичное звено включает ряд подразделений – специальных Центров, среди которых стационарно действуют два – «Диалог» и «Гармония», а сезонные работы проводят еще 14 центров. Несмотря на новые задачи и спектр научных и социальных проблем, которые возникли в этот период, теоретические основания деятельности коллектива кафедры сохранились. Речь идет о концепции малой группы, принципе единства теории, эксперимента и

практики, а также концепции моделирования и проектирования развивающей социальной среды. Так, совместно с коллегами из других научных учреждений страны, а именно – И.В. Дубровиной, А.Л. Журавлевым, В.А. Иванниковым, А.А. Тюковым и др., проводилось обследование детей, проживающих на зараженных после Чернобыльской аварии территориях. Нашей рабочей группой разрабатывался метод проектирования развивающих социальных сред на зараженных территориях, который оказался эффективным и жизнеспособным для работы с населением «чистых» (т.е. не подверженных заражению) территорий. Впоследствии кафедра стала заниматься подготовкой кадров – психологов для работы в психологической службе и Центрах нашего региона.

4. Вы рассказали о темах, научных и социальных проблемах, задачах работы кафедры, которые были характерны для предыдущих исторических периодов ее развития и которые, как я понимаю, продолжают и в настоящее время. А есть ли сейчас какие-то новые актуальные темы или проблемы, которые ранее не изучались вашим коллективом и которые можно рассматривать как ответ на социальные изменения, происходящие в обществе?

Да, конечно. Ранее так остро, как в настоящее время, не стояла проблема снижения морально-нравственных норм в обществе, проблема разнообразия социальных сред. Опираясь на работы Л.И. Анцыферовой, собственные исследования, мы пришли к пониманию того, что в период социально-экономической трансформации общества разрушилось его единое социально-психологическое пространство. Все это послужило основанием для формулировки проблемы духовно-нравственного развития личности и группы и поиска ее решения. В этом направлении мы тесно взаимодействуем с коллегами из Института психологии РАН, в частности М.И. Воловиковой, А.Л. Журавлевым и их сотрудниками. Вторая современная проблема, над решением которой работает коллектив кафедры – это проблема субъектности группы,

отражающей уровень ее развития, ценностного единства. Данная проблема обусловлена поляризованностью современной молодежи. С нашей точки зрения, в процессе межгруппового взаимодействия побеждает та группа, которая обладает субъектными качествами. Примером решения данной научной проблемы является научно-практическая деятельность нашего психологического Центра «Монолит», в который приезжает молодежь из стран бывшего Советского союза и Восточной Европы. Все молодые люди отличаются по предпочитаемым ими ценностям, структуре ценностных ориентаций. Однако в процессе взаимодействия с другими в рамках программы Центра «Монолит» они пытаются найти «общий язык» на основании духовно-нравственного базиса своей жизнедеятельности.

5. А какие направления в развитии научно-исследовательской и научно-практической деятельности вашей кафедры, Вы считаете наиболее перспективными?

Для нас на первое место выдвигается задача психологизации общественного сознания населения региона, в первую очередь, молодежи. Частично данная задача решалась в рамках деятельности наших психологических Центров. Подтверждением тому является факт признания региональной властью заслуг коллектива кафедры и наших Центров в работе с молодежью, а также факт сотрудничества коллектива кафедры с организациями силовых ведомств региона, промышленными предприятиями региона, молодежными движениями Курской области. Можно сказать, что мы вплотную подошли к тому, чтобы все организации и структуры, от которых зависит жизнедеятельность региона, рассматривали психологическую науку и практику как основу жизнедеятельности всех их сфер.

6. В связи с научной ориентацией нашего журнала, хотелось бы узнать Ваше мнение, в чем именно заключается вклад практической деятельности кафедры в развитие современной социальной психологии

**как науки и, в частности, в развитие теоретических представлений
научной школы «Уманского-Чернышева»?**

Вся деятельность коллектива кафедры строится на основе принципа единства теории, эксперимента и практики, который когда-то постулировали В.М. Бехтерев, С.Л. Рубинштейн, Б.Ф. Ломов и который продолжает развиваться в работах наших коллег-современников, в частности сотрудников ИП РАН. Мы опирались на этот принцип не механически, а творчески применяя его в наших экспериментальных и эмпирических исследованиях, разрабатывая для этого и свои теоретические основания. К примеру, взгляды Б.Ф. Ломова на проектирование среды уточнялись и развивались в теоретическом обосновании «проектирования социальных развивающих сред» для молодежи, работников промышленных предприятий. Аналогичный творческий подход применялся при формулировании основных положений нашей концепции, раскрывающей сущность группового субъекта. Конечно, мы опирались на работы С.Л. Рубинштейна, Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинского, К.А. Абульхановой о субъектности, субъектных качествах личности, научные взгляды и работы А.Л. Журавлева о коллективном субъекте. Но, не механически перенося или искусственно интегрируя их в единую теоретическую основу для наших исследований. Осуществлялся поиск общих точек соприкосновения и создание собственных теоретических взглядов на групповой субъект, его содержательные и структурные характеристики, признаки и критерии выделения.

Важным научным результатом теоретической деятельности коллектива кафедры является модернизация параметрической теории малых групп и коллективов, которая в настоящее время признана в мировой психологической науке. Эта теория была обогащена данными, полученными в процессе исследовательской и практической деятельности сотрудников кафедры. В частности, ими были введены параметры надежности (С.В. Сарычев), включенности малой группы в систему социализации разного уровня (С.Г.

Елизаров), соотношения группового и индивидуального сознания (А.С. Силаков, Д.В. Беспалов), современного представления о феномене «субъектность группы» (К.М. Гайдар).

Существенным вкладом в развитие методического инструментария современной социальной психологии можно рассматривать модернизацию приборов, а также техник и процедур их применения для изучения совместной деятельности. Речь идет о приборах, которые создавались в 60-е гг. прошлого века, о «Сенсомоторном интеграторе» и «Арке». Критерием востребованности этого направления работы кафедры можно считать предложение руководства Института нормальной физиологии им. П.К. Анохина о сотрудничестве и использовании аппаратной методики «Сенсомоторный интегратор» в работе Института. Предполагается совместно с коллегами из Москвы экспериментально изучить все уровни проявления психики, а результаты обобщить на теоретическом уровне. Данный факт указывает на интеграцию социально-психологического знания с нейропсихологией, психофизиологией. Кроме того, оказалась востребованной и методика «Арка» в связи с ее портативностью и доступностью применения в экспериментальных исследованиях совместной деятельности и психологической практике. В 2014 году на Национальном конкурсе проектов в области психологии «Золотая Психея» авторы методики «Арка» (А.С. Чернышев, С.В. Сарычев – *Т.Д.*) стали финалистами конкурса в номинации «Проект года в психологической практике», а от компании ООО «ИМАТОН» получили заказ на модернизацию и массовое тиражирование данной методики.

В заключение добавлю, что еще одним теоретическим вкладом в развитие концепции развивающей социальной среды стали разработанные нами восемь критериев ее оценки и проектирования.

7. В чем, с Вашей точки зрения, заключается главный научный итог работы кафедры, ее вклад в психологическую теорию и практику за истекший период времени, т.е. за прошедшие 45 лет?

Кратко перечислим основные позиции. В области психологической теории. Первое, разработана и модифицирована параметрическая теория малых групп и коллективов. Она развивалась в логике своих собственных эвристических возможностей и в соответствии с современными требованиями. Второе, разработана двухуровневая модель малой группы для социогуманитарных наук. Третье, теоретически обоснованы, технически усовершенствованы и эмпирически проверены на валидность и надежность приборы-модели совместной деятельности («Сенсомоторный интегратор» и «Арка» – *Т.Д.*). Четвертое, разработаны критерии и технологии создания социальных развивающих сред.

В области психологической практики. Первое, создана психологическая служба региона, в том числе, в системе образования. Второе, мы являемся инициаторами и кураторами конкурса «Психолог года», который ежегодно проводится в Сочи Федерацией психологов образования (ФПО) РФ. При поддержке Комитета образования Курской области наши психологи активно принимают участие в данном конкурсе и даже становились его победителями. Третье, на базе кафедры созданы уникальные психологические Центры. К примеру, в Центре «Гармония» проводится подготовка детей к школе, мониторинг их психологического развития и т.п. Центр «Диалог» занимается творческим развитием детей и подростков от 3 до 17 лет. Они работают с населением на постоянной основе. Еще 14 Центров работают в разное время года, т.е. по сезонам. Есть у нас и совместные проекты с Центрами медицинского университета и другими организациями. Четвертое, мы были первыми, кто 20 лет назад организовал службу «телефон доверия» в рамках деятельности психологической службы региона. Ежемесячно на «телефон доверия» поступают сотни звонков от детей и взрослых, и сотрудники кафедры оказывают помощь этим людям.

В области подготовки научных и практических кадров. В нашем вузе ведется подготовка кадров по специальности «педагогика и психология» как

бакалавров, так и магистров. Проводится прием в аспирантуру. За прошедшие 17 лет в Диссертационном совете университета прошли защиту 376 научных работ разного уровня – кандидатские и докторские диссертации. В настоящее время наши бывшие аспиранты и докторанты занимаются преподавательской деятельностью во многих вузах нашей страны, особенно Центрального региона, а также стран Ближнего и Дальнего Зарубежья. Они занимают руководящие должности в системе образования и науки, возглавляют психологические службы в системе образования, на промышленных предприятиях и в силовых ведомствах.

8. 45-летняя история деятельности кафедры связана с событиями, которые по-разному оценивались тогда и сейчас. Были ли какие-то переломные периоды в деятельности кафедры, когда происходила трансформация научных представлений? Что послужило причиной (источником) их пересмотра? В чем именно выразилось изменение научных представлений?

Первый переломный период был связан с началом «пересмотра» в нашей стране трудов классиков отечественной психологии – С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и др. В качестве обвинений выдвигались суждения о чрезмерной идеологизированности этих работ, их несоответствия требованиям современной психологической науки и т.п. (имеется в виду период распада Советского Союза – *Т.Д.*). На нашей кафедре также появились сотрудники, разделяющие данное мнение, но в процессе дискуссий нам удалось отстоять нашу позицию. В настоящее время коллектив кафедры остается сторонником фундаментальных теорий и концепций, созданных С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, Б.Г. Ананьевым, Б.Ф. Ломовым, Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинским, А.В. Петровским, Б.Д. Парыгиным, А.Л. Журавлевым и другими видными теоретиками отечественной психологии, применяя их в качестве методологических оснований эмпирических исследований и развивая в работах сотрудников кафедры.

Еще до этого периода сложный этап в развитии кафедры был связан со становлением и развитием в конце 1980-х – начале 1990-х гг. практической психологии. В профессиональном сообществе возникла проблема смены приоритетов теоретического и практического знания, т.е. возвышения практики над теорией. Мы успешно этим «переболели» и, оставаясь сторонниками принципа единства теории, эксперимента и практики, уверены в том, что фундаментальная теория лежит в основе эмпирики и практики. И разрывать эту взаимную связь не следует.

9. Алексей Сергеевич, нашим читателям будет интересно знать о традициях научной школы, которая формировалась и развивалась на кафедре психологии сначала в Курском государственном педагогическом институте, а затем в Курском государственном университете. Как Вы считаете, в настоящее время существуют на кафедре научные традиции? В чем они заключаются? Какую роль, с Вашей точки зрения, играют научные традиции в развитии современной психологической науки?

Наши традиции сформировались под влиянием классиков отечественной психологии. Я уже говорил, что основатели кафедры профессора Ш.А. Френкель и Л.И. Уманский были учениками, соответственно, С.Л. Рубинштейна и Б.М.Теплова. Они заложили, а мы сохраняем традицию связи прикладного и теоретического знания, продолжаем традицию изучения глубинных процессов психологии групп, лидерства, социальных сред. Наши сотрудники публикуют статьи в ведущих научных изданиях, выпускают научные монографии, сборники научных трудов. Все это делается для того, чтобы коллектив кафедры продолжал оставаться субъектом фундаментальной науки. Кроме того, Л.И. Уманским была заложена традиция включения в коллектив кафедры группы специалистов, занимающихся прикладной психологией. Он считал, что если психолог хотя бы два месяца в году не работает с «живым» человеком, группой, то он не имеет права стоять за кафедрой. Лев Ильич на своем личном примере доказал правомерность данного

тезиса. В прошлом военный летчик, он каждый отпуск работал водителем в пионерских лагерях. Эта традиция также поддерживается на нашей кафедре. Мы считаем, что каждый преподаватель должен найти время для практической работы. Например, доцент кафедры Юрий Леонидович Лобков оказывает помощь населению на «телефоне доверия» Центра «Гармония», профессор Сергей Геннадьевич Елизаров после лекций в университете работает психологом в приюте, а его коллега профессор Сергей Василевич Сарычев психологом в региональном центре «Комсорг». Профессор Татьяна Аникеевна Антопольская является организатором и руководителем Центра «Диалог». Профессор Алексей Сергеевич Чернышев курирует деятельность Центров «Диалог» и «Гармония», является психологом-экспертом силовых структур Курского региона России, выступает в качестве эксперта в суде и участвует в политических выборах, представляя интересы кандидатов и т.п. Замечу, что мы проводим исследования мнений, общественных настроений политического электората. Недавно ушедший от нас, очень талантливый гипнолог, доцент кафедры Анатолий Васильевич Корнев с помощью современных психотерапевтических технологий оказывал помощь людям, оказавшимся в сложных жизненных ситуациях, в том числе и в случаях суицида. Можно еще долго перечислять все направления практической деятельности коллектива. Подчеркну лишь то, что заложенная Уманским традиция оказания преподавателями кафедры психологической помощи населению или его психологическое просвещение, продолжается.

Еще одна наша традиция связана с праздниками. Мы всегда вместе отмечаем на кафедре основные государственные праздники (9 мая, Новый год и др.), а также день рождения Л.И. Уманского, другие значимые для кафедры события. Особенно хочется обратить внимание на традицию проявления милосердия. Наши сотрудники, студенты и аспиранты оказывают волонтерскую помощь по сбору крови людям, нуждающимся в этом. Коллектив всегда поддерживает тех, кому требуется забота и внимание в трудной

жизненной ситуации, помогает с защитой диссертации. Был случай, когда аспирантка из другого города имела финансовые трудности, мы помогли ей напечатать текст и автореферат диссертации. Наконец, не будем забывать о традициях гостеприимства кафедры – напоить чаем гостя – это было принято всегда.

10. Ваша кафедра представляет собой уникальное для отечественной психологии явление, т.к. на ее базе сформировалась научная школа, которую сейчас принято называть «Курской психологической школой» или школой «Уманского – Чернышева». Вряд ли мы сейчас найдем аналогичный пример в каком-либо региональном вузе. Думаю, что нашим читателям будет интересно узнать, существуют ли закономерности формирования научных школ? Какие конкретные закономерности формирования научной школы «Уманского-Чернышева», Вы считаете основными?

Конечно, есть какие-то общие закономерности для формирования любой научной школы. Первая – это личность создателя, основателя научной школы. Это должен быть человек широкого кругозора, способный мыслить фундаментальными научными категориями, увлеченный своим делом и той идеей, которая лежит в основе его разработок, и умеющий увлечь этим других, обладающий лидерскими и организаторскими способностями, разносторонне одаренный, умеющий устанавливать контакт с властными структурами. Приведу пример: Л.И. Уманский не только сам был увлечен, но и умел увлечь своей идеей других. Мы вслед за ним все свои летние отпуска проводили в пионерских лагерях, работая с детьми. Вот уже третье поколение преподавателей нашей кафедры продолжает эту традицию. По мнению Уманского, психолог должен быть обаятельным, интересным, разносторонне одаренным человеком, способным мыслить не стандартно, увлекающимся какой-то идеей. Своих учеников он подбирал по таким критериям.

В психологии есть такая особенность, описанная, кстати, и Ст. Милгремом. Любые фундаментальные научные идеи надо не только описать, доказать, но еще и самому автору проверить их экспериментально и на практике, а затем внедрить, доказывая тем самым их «жизнеспособность». Лев Ильич разделял такое мнение, построив по такому принципу всю работу коллектива кафедры.

Еще одна закономерность заключается в том, что идеи, лежащие в основе «научной школы» должны быть смелыми, рискованными. Я хорошо помню тот период, когда на кафедре был поставлен вопрос, а не создать ли нам новую психологическую теорию малых групп? Многие отреагировали скептически, сомневались в самой идее. Высказывались большие сомнения, что в провинциальном вузе можно создать теорию, по значимости равную тем, что были созданы Я. Морено, А.С. Макаренко и др. Скептики сомневались и в научном потенциале коллектива курских региональных психологов, считая саму идею явно завышенным планом. В таких ситуациях руководитель и его ученики должны быть мужественными, уверенными в себе и в своей идее, которую они хотят отстоять и реализовать. У нас было много проблем и трудностей до того момента, когда нашу научную школу, теории и концепции признали в научном сообществе. Думаю, что становление любой научной школы проходит такой этап непринятия сообществом тех идей и замыслов, на которых потом базируется теория, концепция, лежащая в основе научной школы.

11. Алексей Сергеевич, в чем именно Вы видите развитие научных связей вашей кафедры с другими организациями? Решение каких теоретических и практических проблем возможно совместно с ними?

Любое исследование должно соизмеряться с тем, что делается в этом направлении в мировой и отечественной науке. У нас в стране есть два крупнейших научных психологических центра – это Институт психологии РАН и Психологический институт РАО. Мы многие годы взаимодействуем с этими

центрами. С моей точки зрения, они должны ориентировать нас в том, насколько наша научная продукция соответствует критериям научности и академичности. Т.е. задача таких центров связана с проведением экспертизы научного труда вузов. В рамках такого взаимодействия должна проводиться апробация научной продукции (кандидатских и докторских диссертаций, новых методических разработок, теоретических концепций) вузов, лабораторий в виде докладов, дискуссий, обсуждений на расширенных заседаниях подразделений ИП РАН или ПИ РАО, на всероссийских и международных конференциях, семинарах и т.п. Подобная связь объединяла нас с ИП РАНом, ПИ РАО, Ленинградским государственным университетом ранее и, думаю, она будет продолжаться в перспективе. Это первое.

Второе, необходимо организовывать и участвовать в совместных проектах. К примеру, несколько лет назад по заказу силового ведомства совместно с лабораторией социальной психологии ИП РАН мы проводили исследование неуставных отношений в армии. Данный опыт научного взаимодействия был полезен для обеих сторон. В настоящее время, мы параллельно с вашей лабораторией изучаем феномен субъектности группы. Так, А.Л. Журавлев теоретически разрабатывает концепцию коллективного субъекта, а мы – группового. Мы не только ссылаемся на его статьи и статьи других коллег, занимающихся этой проблемой, но и пытаемся найти общие точки соприкосновения. То есть, в решении фундаментальных теоретических проблем мы можем выступать как равные партнеры, создавая общий продукт научной деятельности.

Третье, это подготовка кадров. Я часто выступаю оппонентом на защитах в Диссертационном совете ИП РАНа, а Ваши коллеги выступают в качестве оппонентов на защитах в нашем совете. Думаю, что это обогащает знаниями и тех, кто защищается, и тех, кто оппонирует. Важным обстоятельством является тот факт, что наши докторанты, в работах которых ИП РАН выступает в качестве ведущей организации, не просто предоставляют текст работы на

рецензию и экспертизу, а выступают с научными докладами перед коллегами. В процессе обсуждения доклада появляется чувство сопричастности в создании научного труда. Это очень хорошая практика, которая должна быть продолжена. С моей точки зрения, региональным вузам и лабораториям важно находить паритет в отношениях с крупными научными центрами, выстраивать партнерские отношения. Вы сильны фундаментальностью знаний, а у нас – больше возможностей в апробации, проверке этих знаний. У нас тесные связи с силовыми и властными структурами, с руководителями промышленных предприятий и т.п. Так что, объединяться нам надо.

12. Как Вы считаете, какие направления научно-исследовательской и научно-практической деятельности могут сейчас представлять интерес для организации совместной деятельности вашей кафедры и Института психологии РАН?

Я думаю, что сейчас ИП РАН должен собирать вокруг себя такие научно-практические центры-спутники, в которых разрабатываются схожие проблемы. С моей точки зрения, Ваши фундаментальные разработки надо завершать не в самом Институте, а именно в таких центрах-спутниках (лабораториях, кафедрах вузов). Тогда возникнет некоторая система научных связей, поскольку фундаментальные разработки сотрудников ИП РАН, дополненные, изучаемые и апробированные на той или иной кафедре, будут более востребованы и в практике. Вследствие чего, в нашей науке будет в полной мере реализован принцип единства теории, эксперимента и практики.

13. Алексей Сергеевич, прежде чем мы перейдет к чуть более личным вопросам, касающимся Вас лично, хотелось бы узнать Ваше мнение как ведущего специалиста в области социальной психологии. В чем Вы видите перспективы развития отечественной социальной психологии? Какое у нее будущее?

Это очень ранимый, но значимый для нас вопрос. Я помню, когда Г.М. Андреева, выступая на одном из Всероссийских съездов психологов, с

возмущением сказала, что психологи стали стыдиться таких терминов как «группа» и «коллектив» и стараются не употреблять их в своих работах. Это была дань «моде», обращение к индивидуализму и отказ от коллективизма. Пытались все проблемы личности решить вне социума, вне коллектива. К счастью, эта «болезнь» прошла.

Сейчас социальная психология снова стоит перед испытаниями. Думаю, что в будущем социальные заказы психологам будут возрастать с каждым годом. Предполагаю, что особенно будут востребованы проблемы внутригрупповых и межгрупповых, межличностных отношений. За прошедший период времени изменился и сам человек, и социальная среда. Задача социального психолога понять и помочь этому «новому» человеку. С моей точки зрения, современный социальный психолог должен работать по принципу В.В. Давыдова, который говорил: «психолог, который пришел, измерил и ушел, это – не наш психолог. А вот тот психолог, который пришел, измерил, остался и изменил, это – тот тип психолога, который ценный и для общества, и для самого себя».

Социальный психолог должен изучать реальные процессы. Он будет социально востребован, если пойдет по пути поиска и новых теорий, и новых технологий воздействия на людей. Современный социальный психолог должен понять, что он обязан не только описывать, объяснять те или иные факты и феномены, но и должен быть ориентирован на преобразование того, что он изучает. Пока у нас есть современные ученые-методологи – Абульханова, Журавлев, Панов, и более молодое их поколение – Юревич, Ушаков, Сидоренков, Позняков, Шамионов и др. надо постараться сформировать исследовательскую традицию в социальной психологии, чтобы не только изучать реальные процессы, но и, как говорил Давыдов, «оставаться и изменять».

14. А что, с Вашей точки зрения, тормозит развитие (или не способствует развитию) социальной психологии в настоящее время?

Частично, я уже говорил об этом, поэтому повторяюсь. Это, как писал Норберт Винер, надежда одним ключиком открыть все тайны природы. Мне кажется, что чрезмерное увлечение социальных психологов тренингами, чье воздействие на психику явно преувеличено, тормозит развитие новых социально-психологических технологий воздействия. Изучение же реальных процессов и технологий воздействия в контексте реальной совместной деятельности в настоящее время отошло на второй план. Мне же представляется это более сложным, но перспективным направлением. Сегодня каждый новичок в психологии и тренинги проводит, и консультирует, но не умеет проектировать деятельность, что свидетельствует об уровне его компетентности. В целом, уход от деятельности, совместной деятельности, отказ от разработки новых технологий воздействия в условиях естественного существования человека и группы можно рассматривать как некий тормоз развития социальной психологии в целом.

15. Сейчас очень сложный период в развитии отечественной науки. Появились новые структуры управления наукой, и нам навязывается мнение, что в настоящее время ведущую роль в развитии науки должны играть исследователи-одиночки. Это талантливые молодые ученые, часто параллельно работающие за рубежом и в России. Предполагается, что будущее – за ними. Они смогут сделать новые научные открытия, создать новые теории, технологии. Вы застали разные периоды развития социальной психологии. Согласны ли Вы с такой «природой» развития науки? Каковы Ваши взгляды по этому вопросу?

Я думаю, что эти тенденции возникли от безысходности. Идеологи таких воззрений на развитие науки оказались бессильны в создании новых научных школ. Создать научную школу очень сложно, это требует больших временных и финансовых затрат, человеческих и социальных ресурсов. Намного проще привлечь одаренного психолога-одиночку, заплатив ему за какой-то конкретный проект или заказ.

Научная школа сильна тем, что она выражает научные взгляды целого коллектива, причем устоявшиеся во времени, она имеет свои традиции, ценности. С ней очень сложно конкурировать. Коллектив ведь выходит на другой уровень взаимодействия с обществом, чем один человек. С одиночкой конкурировать легче. Его можно как пригласить, так и уволить, и пригласить другого.

Кроме того, хорошо известен факт, что даже И.П. Павлов испытывал жесткую критику со стороны своих учеников и соратников. Любое научное знание порождается в процессе дискуссий, споров, обсуждений разных взглядов. В научной школе есть возможность совместного обогащения идеи. Она способна и организационно обеспечить реализацию этой научной идеи. У научной школы есть хороший кадровый потенциал – не один, а группа людей, в разных направлениях разрабатывающих общую идею. Одиночка ограничен по всем своим ресурсам – физическим, интеллектуальным, социальным, творческим. Но самое главное – это идеология одиночки. Одиночка-исследователь ориентирован только на свои научные интересы, на «себя в науке». Даже если у него есть рабочая группа, воплощающая его идеи. Эти идеи порождены одним человеком, а не коллективом. Научная школа имеет учеников, причем нескольких поколений. Сколько мы знаем случаев, когда выдающиеся ученые при жизни прославились своими работами, но не имели учеников, не создали научной школы. А ведь насколько больше они могли сделать, имея учеников. Вообще способность что-то делать сообща раскрывает сущность человека. Т.ч. новая тенденция в развитии науки, связанная с ориентацией на ученых-одиночек – это тупиковый подход.

16. В чем Вы видите смысл интеграции современной науки и образования?

По этому вопросу я разделяю мнение других ученых, в частности, Д.И. Фельдштейна, М.М. Безруких и др. Современный ребенок так изменился, что он уже не является носителем только тех качеств, которые выделяли психологи

30, 40, 50 лет назад и ранее. Это личность, психика и поведение которой не укладывается в описание К.Д. Ушинского. Другая проблема – это социальная группа. Она также изменилась. Изменилось общение в детских группах. Из непосредственного трансформировалось в опосредованное (мобильные телефоны, интернет). Подростковые группы асоциальной направленности в некоторых зарубежных странах становятся угрозой обществу в целом. Без психологии современная педагогика не жизнеспособна. Педагог, не знающий психологию личности, психологию развития, психологию общения, психологию малых групп, не может эффективно моделировать образовательный процесс, внедрять новые технологии обучения и воспитания.

В настоящее время в школах уделяют много внимания безопасности образовательной среды, жизнедеятельности учащихся. Тратятся деньги не на поиск «причины», а на последствия «болезни». Если педагог будет знать психологию и успешно применять свои знания на практике – видеть личность ребенка, способствовать ее развитию, уметь организовать детский коллектив, управлять им, то не надо будет говорить о безопасности ребенка и детской группы в образовательной среде.

Современное образование нуждается в новых научных знаниях психики и поведения ребенка, детского коллектива, в разработке новых психологических технологий воздействия на современную личность и современный коллектив.

17. В последнее время много уделяется внимания вопросам взаимодействия фундаментальной, исследовательской и практической психологии. Опубликовано много статей, есть монографии, в том числе, выполненные коллективом сотрудников ИП РАН. Работы Вашей научной школы, коллектива кафедры также реально доказывают существование интеграции теоретической и практической психологии. И все же, каковы Ваши взгляды по этому вопросу?

Я с большим удовольствием познакомился с последними сборниками научных работ по данной проблематике. Конечно, пока там больше скепсиса,

чем видения, и это понятно. Путь от открытия радиоактивного излучения до атомной бомбы занял в науке 30 лет. В психологической науке необходимо, чтобы сам теоретик видел пути практического использования своего научного знания, пропагандировал эти пути и собирал вокруг себя единомышленников. Вспомним историю. Древние греки вывели уравнение второго порядка, которое на тот момент не было востребованным, но спустя сотни лет данное открытие сделало возможным полет Ю. Гагарина в космос. Есть фундаментальное знание, которое сейчас не востребовано практикой. Однако наши теоретики-методологи должны продумывать заранее, каковы возможности внедрения теоретического знания в практику, каковы технологии его применения.

18. Алексей Сергеевич, в преддверии Вашего юбилея позвольте задать Вам несколько вопросов личного характера. Во-первых, что Вам больше всего запомнилось за все 45 лет работы на кафедре?

К счастью, эти моменты стали принципами работы кафедры, ее традициями. Они связаны с приоритетом больших целей. Это – помощь Чернобылю, создание школы лидеров, лечение заикания, включенность в решение проблем суицида, создание психологической службы в системе образования и т.п. В личном плане мне запомнились моменты, когда мой учитель Л.И. Уманский представлял меня, аспиранта первого года обучения, своим коллегам – К.К. Платонову, А.В. Петровскому, Е.В. Шороховой и другим. Это все выдающиеся люди, которые понимали, что «маленьких» людей в науке нет и, соответственно, относились к каждому коллеге, независимо от его статуса. Для нашей кафедры характерна такая традиция.

Третий запоминающийся момент – это быстрая реакция коллектива кафедры на социальные запросы: нужны стране комсомольские лидеры – сотрудники кафедры создают школу лидеров; есть потребность в создании летних лагерей в регионе – они сразу включаются в организацию этого процесса; нужна помощь психологов в приюте – сразу выезжают на место; есть востребованность в психологической экспертизе – сотрудники проводят

экспертизу. Кстати, мы единственная в городе кафедра, сотрудники которой проводят экспертизу.

В памяти осталась и мотивация сотрудников. Приходя на кафедру, каждый сотрудник сразу же включается в рабочий процесс. Нет такого, чтобы кто-то сидел в углу и ничего не делал. Запомнилась и заинтересованность, искренняя включенность коллектива кафедры в судьбу каждого ее члена, общий позитивный эмоциональный настрой, доброжелательность, открытость, юмор, взаимная поддержка, творческие способности коллектива. Только переступаешь порог кафедры – все улыбаются, спрашивают о твоих делах, и даже о том, сколько рыбы наловил в выходные, чем закончилась охота. Все это очень важно не только лично для сотрудника, но и для создания позитивного психологического настроения, соответствующей атмосферы в коллективе.

Конечно же, запомнились успехи. Когда вручали премию Ленинского комсомола Л.И. Уманскому и А.Н. Лутошкину мы все испытывали чувство гордости. Помню, как радовалась кафедра, когда мне вручали премию Петра Великого. Любые достижения кафедры – будь то публикация научных трудов, премия или защита диссертаций, – все это воспринимается как успех.

19. Были ли в Вашей жизни какие-то яркие события, которые значимо повлияли на Вас как на личность, исследователя, психолога, педагога?

Да, конечно. Это случилось еще до того, как я пришел работать на кафедру. По образованию я – физик-математик и после окончания вуза проходил срочную службу в Прикарпатском округе, в артиллерийских войсках, в должности офицера. В то время я не думал о психологии, у меня были мысли продолжить военную карьеру, но произошло событие, которое кардинально изменило мои планы. В 1961 году сложилась напряженная обстановка в отношениях СССР с Западом – «Берлинский кризис», который рассматривался как ключевой период в «холодной войне» 1958-62 г. Была воздвигнута «Берлинская стена», советские и американские танки заняли с двух сторон

оборонительные позиции. Это событие повлияло на политическую ситуацию в Прикарпатье, на территории которой активизировала свою деятельность бандитская группировка «бандеровцев». Вчерашние учителя, врачи, просто мирные граждане добровольно или под угрозой расправы вступали в их ряды, нападали и убивали военнослужащих, особенно офицеров советской армии. Я был начальником караула и на моих глазах бандеровцы стали расстреливать часового. Причем, иезуитски, т.е. не сразу убивали, а сначала стреляли в одну руку, затем в другую, потом по ногам. Я позвал на помощь караул, мы отбили часового, и я погнался за одним из нападавших. Меня догнали комбат Роголь и рядовой Сергей Федотов – чемпион гарнизона по борьбе. Бандеровец заскочил в помещение и закрыл за собой дверь и я, не думая, ринулся за ним, пытался открыть дверь, броситься на него. В последний момент комбат схватил меня за погон. Он знал, что у меня только что родилась дочь, и отбросил меня в сторону, решил принять все на себя. В этот момент, Федотов – боец, оттолкнув нас обоих, открыл дверь и заслонил собой проем двери. Нам повезло, что бандит бросил оружие и убежал в подземный ход. Мы стояли втроем – еврей и два русских, рядовой, капитан и лейтенант и постепенно осознавали всю сложность и героизм случившегося. После этого случая я стал присматриваться к психологии людей, а по завершении службы поступил в аспирантуру к Уманскому. Впоследствии в моей жизни было немало героических ситуаций, когда мои коллеги и я спасали жизнь других. Помню и случай, когда Уманский потерял сознание во время почечного приступа, а через два часа после оказания ему помощи читал студентам лекцию. Эти ситуации уверовали меня в необходимости изучения «реальной» психологии людей.

20. Алексей Сергеевич, какие моменты (случаи, события, персоны и т.п.) в Вашей профессиональной деятельности делали Вас счастливым?

Таких моментов было много. Например, счастливые лица детей на «прощальном круге» в лагере «Комсорг». Конечно, было много слез, но это были прекрасные, светлые лица детей. Другой пример – духовность, верность

русским традициям нашей молодежи. К нам приезжала на стажировку американка Сью Харрисон, которая спросила: «В чем смысл русской души?». Мы организовали «вечер русских традиций», на котором все вместе испытали счастье, наблюдая за тем, как бережно и с уважением относятся молодые люди к русским традициям.

Конечно, я был счастлив, когда успешно защищали диссертацию мои ученики. У меня 30 учеников кандидатов и докторов наук.

Я был счастлив дружить с Борисом Федоровичем Ломовым, с Андреем Владимировичем Брушлинским. Испытывал состояние счастья, когда общался с Якобом Морено, Жаном Пиаже, Анатолием Александровичем Смирновым, когда присутствовал на семинарах Алексея Николаевича Леонтьева, когда редактировал книги Александра Романовича Лурия, Екатерины Васильевны Шороховой. На память остались книги, подписанные этими авторами.

Я бы сказал, что для нас, региональных психологов, приезжать в Москву и общаться, взаимодействовать, сотрудничать с такими прекрасными людьми и психологами как Ломов, Брушлинский, Шорохова, Анцыферова, Журавлев, Забродин, Леонтьев, Лурия, Петровский, Платонов, Парыгин и многими другими – это счастье. Это для нас, региональных психологов, – второе образование. Поэтому мы с удовольствием ездим на многие научные конференции, семинары, другие мероприятия.

21. Жизненный путь любого человека усыпан не только лепестками роз, но и терниями. Были ли в Вашей жизни моменты, когда Вы пожалели, что стали психологом или о том, что стали заниматься выбранной Вами проблематикой?

К сожалению, были. Это трагические моменты в моей жизни. В нашей стране, к сожалению, психологи-эксперты, работающие в суде, ничем не защищены. Я провел более 100 экспертиз. В моей практике были разные, подчас неприятные ситуации взаимодействия с подследственными и их адвокатами. Но один случай запомнился особенно. Жестокий и изощренный

преступник сначала изнасиловал свою дочь. Затем, женившись во второй раз, долго насиловал приемную дочь – маленькую девочку. Поймать его было сложно, т.к. он запугал всю семью. Мы провели экспертизу, и нам удалось доказать его вину. Осудили насильника на 8 лет. На следующий день я получил письмо, в котором он называл имена моих родственников и те насильственные действия, которые будут предприняты по отношению к ним, а также имена тех, кто выполнит его «заказ». Вот тогда-то я пожалел, что выбрал эту профессию, стал заниматься психологической судебной экспертизой. Подумал, был бы военным, физиком, математиком, ничего бы этого не случилось... К счастью, восемь лет прошло, но свои угрозы он не воплотил.

Были еще тяжелые моменты в жизни. К счастью, единичные. Это когда изменяли ученики. Не то, чтобы они на меня писали или какие-то по отношению ко мне действия предпринимали, нет. Они уходили в коммерцию, прекращали научную работу, строили свою жизнь, нарушая морально-нравственные принципы, а я думал, зачем я их готовил? Столько сил и времени потратил на них, а они так безнравственно живут. То есть, наша работа – это работа с высокой степенью риска.

22. Были ли в Вашей профессиональной деятельности примеры, которые побуждали Вас менять свои научные представления?

Да, были. И это нормально. Так должно быть. Мне запомнилась беседа с Борисом Дмитриевичем Парыгиным. На конференции, в кулуарах, он сказал: «Алексей, я твои работы читаю, они мне интересны, но мне кажется, что этот путь ведет в тупик. Вы с Уманским хотите, чтобы в малой группе было абсолютное единство мнений. Что же вы делаете?». А у меня к тому времени и диссертация была по этой теме, выведена формула единства мнений, исследования проведены... Я долго думал и согласился с его мнением. Действительно, мы идем по пути унификации мнений. Это неверный путь! И вот тогда мы стали искать и единство, и расхождения во мнениях. Сейчас же в

групповых работах мы доказываем, что между групповым и индивидуальным сознанием обязательно должно быть несовпадение. Это первый мой урок.

Второй урок мне преподала американский психолог Сью Харрисон, профессор Нью-Йоркского университета, которая принимала участие в нашем эксперименте в Курской школе лидеров. Был праздничный вечер, который проводился в школе лидеров. В зале – 240 человек. На сцене – молодые ребята. Они поют, играют, танцуют, демонстрируют все свои способности. Зал аплодирует, смеется... Я – счастлив. Но Сью удивилась моему настроению и показала рукой на двух девочек, которые плакали в углу зала. Как позже выяснилось, у них были проблемы личного характера, обе испытывали чувства к одному и тому же юноше. Но для меня это стало уроком – «Из-за лесу дерева не видно». Мы ведь привыкли обращать внимание на большинство. Большинство счастливо, значит, счастливы все. Но в любой ситуации надо видеть всех, в том числе и тех, кто не разделяет настроение большинства, их чувства, мысли, состояние.

Третий урок, урок о важности обобщения, я получил от Артура Владимировича Петровского. Я уже упоминал, что моя диссертация была посвящена единству мнений в малой группе. Петровский выступал моим оппонентом на обсуждении кандидатской диссертации. И вдруг он публикует свою концепцию ценностно-ориентационного единства малой группы. Сначала я обиделся. Потом мы с ним встретились, поговорили и все прояснилось. Он сказал: «Ты молодец, что стал изучать единство мнений, представлений в коллективе как показатель общности малой группы. Но почему так узко рассмотрел этот вопрос? Почему только на организаторах? Почему не взял ценности более широкого плана?». В своей работе Петровский более широко рассмотрел этот аспект малой группы. Для меня же это стало уроком – надо уметь выходить из того понятийного аппарата, в рамках которого работаешь, выходить на другой уровень, уметь шире смотреть на проблему.

Еще один урок мне преподавал Борис Федорович Ломов. На защите докторской диссертации, в ответном слове, я сказал, что, конечно, у меня были кое-какие технические неурядицы... На что Ломов возразил: «Нет, Алексей Сергеевич. Культура исследования должна быть всегда на высочайшем уровне. Вас не должна волновать техническая сторона работы. Вас должно волновать то, насколько Ваши идеи не совпадают, дополняют то, что уже создано другими. Пусть они даже проблемными будут, но покажите их ценность, их место в ряду других». А я об этом даже не думал в тот момент. Он уточнил: «Подумайте, кому нужна Ваша научная продукция, у кого она будет вызывать дискуссию, на чьи работы она накладывается».

23. Ваши примеры показывают, что путь ученого – это не гладкая, ровная дорога, по которой он следует без остановки. Она всегда связана с какими-то событиями, которые заставляют его пересмотреть уже пройденное и пойти в новом направлении или к новой цели, или вернуться на шаг назад и снова идти вперед... А кого бы Вы в своей жизни назвали своими Учителями? Наверное, люди, которые преподали вам урок, тоже Ваши учителя, но есть ведь и другие.

Да, конечно. Их было много, но первые мои учителя – это реальные педагоги сельской школы, в которой я учился. Был сложный период – только что освободили Курскую область от немецко-фашистских захватчиков, кругом бедность, не хватало самого необходимого. Мы, деревенские дети, пережившие оккупацию, потерявшие на фронте отцов, голодные. Несмотря на все сложности литератор Анна Дмитриевна Аверченкова прививала нам любовь к русской литературе, к поэзии, научила грамотно писать. Я до сих пор помню очень много стихов и могу долго читать их по памяти, практически не делаю ошибок. Какая доброта, какая любовь к литературе царила на ее уроках! Второй педагог – Василий Захарович Павлов, математик. Бывший офицер, раненный в ногу, он с трудом ходил, но какие были у него уроки! Какой математический

язык! Он привил мне любовь к математике, поэтому я и поступил после школы на физико-математический факультет.

В профессиональной деятельности своими учителями я считаю Льва Ильича Уманского, Бориса Федоровича Ломова, Алексея Николаевича Леонтьева, Екатерину Васильевну Шорохову, Артура Владимировича Петровского, Александра Романовича Лурию, Константина Константиновича Платонова. Это плеяда гениальных психологов, которых я считаю своими учителями, и горжусь этим. Конечно же, моими учителями были и мои родители. Мой отец – Сергей Иванович, из дворян, много читал, прекрасно разбирался в литературе, привил мне привычку и любовь к чтению. И моя мать – Устинья Ивановна, добрейшей души человек, воспитывала у меня человечность. В целом, есть много людей, которых я считаю своими учителями.

24. Алексей Сергеевич, как вы думаете, чем бы могли гордиться Ваши Учителя? Что из сделанного Вами к настоящему моменту они бы оценили?

Вы правы. Каждый ученик в своем сознании сопоставляет наказ учителя и его исполнение. Мои учителя сформировали у меня в сознании идеал личности ученого, к которому надо стремиться. Я не изменил своим учителям по самому большому счету – по теории. Я не воровал чужих идей, не врал в научных публикациях, старался всегда быть честным в том, что я сделал или написал. Затем, трудолюбие. Мой рабочий день, не зависимо от возраста, длится девять часов, вчера – одиннадцать, т.к. был юбилей кафедры. Все знают, что Чернышев приходит раньше всех и уходит позже всех. Наконец, дружба. Все мои учителя были гуманисты и высоко ценили человеческие отношения, чувство дружбы, взаимопомощи. Помню, приехал поступать к Алексею Николаевичу Леонтьеву, в докторантуру МГУ. Неожиданно возникли бюрократические барьеры, связанные с различиями в ведомственной принадлежности МГУ и КГПУ, в котором я работал. Меня нельзя было брать в

докторантуру, но Алексей Николаевич, взял и много помогал мне. Была проблема с защитой докторской диссертации, так как я работал в педагогическом вузе, а хотел защищаться в академическом институте. То есть по причине разных ведомств некая ретивая дама из Академии педагогических наук перенесла мою защиту на восемь месяцев. В данном случае вступились Борис Федорович Ломов и Алексей Александрович Бодалев, и я защитился. А ведь они очень рисковали своей репутацией, статусом. Я тоже стараюсь помогать другим и часто рискую. К примеру, я много оппонировал, а это всегда риск. Много защитил кандидатских и докторских, а это тоже риск...

Я думаю, что мои учителя не ошиблись во мне. Я и как личность, и как профессионал всегда следовал по вешкам, расставленным ими. Думаю, что я все-таки успешный человек – рыболов, охотник, печатаюсь много, есть монографии... Учителям ведь тоже приятно знать, что их ученик – разносторонне реализованный человек, возможно даже в чем-то их превзошедший. В любом случае, мне не стыдно перед своими учителями – и ныне живущими, и ушедшими от нас, в том, что их завет, их наказ мне удалось в какой-то степени оправдать.

25. Алексей Сергеевич, огромное спасибо за Ваши искренние и глубокие по содержанию ответы. Наш с Вами разговор состоялся еще и в связи с важным для нашей лаборатории (социальной и экономической психологии ИП РАН – Т.Д.) событием. Открыт новый электронный журнал по отраслям социальной и экономической психологии. Как Вы считаете, на какие принципы мы должны опираться, чтобы эффективно организовать работу журнала? На какие из них целесообразно сделать акцент сейчас? У Вас огромный опыт работы в редакторских советах научных журналов. Что бы вы посоветовали нам?

Первое, мы уже говорили о возможностях развития социальной психологии. Мне кажется, что журнал может обеспечить первенство социальной психологии, может помочь найти ей новые возможности и то, в чем

она может проявить себя. Второе, этот журнал уже сделал свой задел, он уже имеет свое лицо. Я имею в виду, его первый выпуск. Я познакомился с материалами этого выпуска. Они отражают социальный заказ общества. В качестве примера можно привести статью В.А. Соснина, посвященную проблеме возникновения и распространения ИГИЛ, включенности молодежи в это движение. Думаю, что научный журнал должен не только глубоко и всесторонне освещать социальные проблемы, но и давать научно обоснованный ответ о том, как противостоять им, как решать эти проблемы.

Второе, это широта разрабатываемых проблем, выход проблематики на макросоциальный уровень, изучение не только малой группы, но и более широкой общности, к примеру, городских жителей, их сознания и поведения. Здесь можно разрабатывать и технологии воздействия на большую группу и многое другое.

В целом, мне видится большое будущее у этого журнала. Особенно, если он пойдет по пути фундаментальной разработки и освещения социально значимых тем. Причем, важно, чтобы не только социальные угрозы были представлены в тематике журнала, но и темы, вдохновляющие общество. К примеру, о молодежном движении, о его здоровом направлении развития. То есть, с одной стороны – предупреждения о социально угрожающих явлениях, с другой стороны – распространение позитивного социального опыта. Думаю, что на этом должны концентрировать свои усилия социальные психологи.

26. Завершая интервью, традиционный вопрос. Что бы Вы пожелали читателям нашего журнала?

Побольше читать. И хотелось бы пожелать читать фундаментальные работы. Я горжусь тем, что прочитал все работы Макаренко. Я прочитал работы Рубинштейна, Брушлинского, Абульхановой, Ломова, Журавлева, Ушакова, Юревича, Фельдштейна, Безруких и многих других. Надо читать те фундаментальные работы, которые, с одной стороны, являются классическими, а с другой - освещают современные проблемы. И конечно, читать словари. Они

многое дают. Особенно, психологические словари под редакцией К.К. Платонова, А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского и др. В них много академического знания, и я всегда рекомендую читать словари своим студентам. Надо знать классиков отечественной психологии, знать ведущие научные школы, направления в психологии, а для этого надо читать классику отечественной психологической науки.

Читателям журнала я бы еще порекомендовал больше читать русскую литературу – Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Гончарова и др. Когда я прочитал «Обломова», шестую главу «Сон Обломова», я понял, что Иван Александрович Гончаров раньше, чем Виктор Франкл, описал сущность смысла жизни. Франкл, конечно, великий психолог, но у Гончарова этот вопрос раскрыт настолько грамотно, глубоко и всесторонне, что вызывает особое уважение и интерес. Я прочитал «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина. Там раскрывается проблема свободы человека, которая разрабатывалась С.Л. Рубинштейном, описана Ф. Ницше, А. Шопенгауэром. А.С. Пушкин в трагедиях «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» поднял проблему духовности, проблему свободы, проблему сильных, но неэтичных страстей, которые, в принципе, должны человека убить. Возьмите «Мертвые души» Н.В. Гоголя. Там описаны гендерные особенности мышления женщин и мужчин. Об этом можно говорить научным языком, а можно литературным. Надо читать фольклор, знать пословицы и поговорки. Народная мудрость смогла объединить абстрактное мышление с конкретным и выразить знание в лаконичной форме. Это ведь и есть менталитет, это и есть «живая» психология.

Наши классики психологии – В.М. Бехтерев, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, В.Н. Мясищев, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов – были очень начитанными людьми, вот с них и надо брать пример. Так что мой совет – надо читать. Много читать!

**Алексей Сергеевич, завершая наш разговор, хотелось бы пожелать
Вам и коллективу кафедры – здоровья и долгих творческих лет!**